

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В СФЕРЕ ТОПОНИМИКОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации категории пространства в топонимиконе Владимирской области. На основе изучения ойконимов и гидронимов Владимирской области сделан вывод об особенностях народных способов параметризации пространства, лежащих в основе региональной топонимической картины мира, а также их отличиях от принципов структурирования пространства в научной картине мира.

Ключевые слова: топонимикон, пространство, научная картина мира, языковая картина мира, параметризация пространства, семантическое поле.

E. Lukyanova

ON THE QUESTION OF THE SPACE
CATEGORY REPRESENTATION IN THE
VLADIMIR REGIONS TOPONYMY

Abstract. The article deals with the peculiarities of the space category representation in the Vladimir regions toponymy. The author of the paper makes a conclusion concerning defining the national ways of space parametrization, underlying the regional toponymic worldview, and their differences from the principles of structurizing the space category in the scientific worldview.

Key words: toponimy, space, scientific worldview, linguistic worldview, space parametrization, semantic field.

По справедливому замечанию В.А. Виноградова, «базисным когнитивным свойством языка, как и самой когниции, с полным основанием можно считать категориальность, присущую кумуляции и репрезентации знаний о мире. Эти знания систематизированы в виде языковой картины мира, служащей моделью той «вторичной реальности», которая представляет собой пропущенный через сознание опыт взаимодействия человека с внешним миром» [1, с. 41]. Долгое время такой опыт взаимодействия человека с миром «реализовывался» в достаточно замкнутом пространстве – одном конкретно взятом населенном пункте: информация человека о мире

чаще всего ограничивалась знанием о своей «малой Родине». В этой связи думается, что социальные и культурные знания русского человека отчасти аккумулированы в топонимиконе, служащем иллюстрацией локализации «пространственных» знаний индивида о мире.

Как известно, пространство, наряду с категорией времени, является одной из важнейших форм бытия. Описанию различных особенностей отражения пространственных отношений и формированию пространственной картины мира посвящена достаточно обширная научная, в том числе и лингвистическая, литература (см., к примеру, работы Е.А. Бардамовой, Е.В. Ивановой, В.В. Корневой, В.В. Лихачевой и др. [5]).

К *общим* свойствам пространства в научной картине мира относят протяженность, единство непрерывности и прерывности, а также трёхмерность. Протяженность пространства проявляется в существовании и связи различных элементов. Единство непрерывности и прерывности характеризуется тем, что непрерывность означает отсутствие каких-либо «разрывов» в пространстве, а прерывность проявляется в раздельном существовании материальных объектов. Трёхмерность пространства связана с тем, что положение любого объекта может быть определено с помощью трех независимых величин. Вместе с тем, факт трехмерности реального физического пространства не противоречит существованию в науке (математике, физике и др.) понятия многомерного пространства с любым числом измерений. К *специфическим* свойствам пространства в научной картине мира относятся однородность и изотропность. Однородность пространства означает отсутствие в нем каких-либо выделенных точек, а изотропность проявляется в равноправности всех возможных направлений.

Значимое место категория пространства занимает и в языковой картине мира, поскольку фундаментальными отношениями, с которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность, являются именно пространственные отношения. «Пространственно-вре-

* © Лукьянова Е.А.

менное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта, и естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов» [3, с. 90].

Категория пространства является основополагающей в топонимической картине мира как фрагменте языковой картины мира. Особенностью топонимов является то, что в них, как в специфических единицах языка, обозначающих место, заложен семантический элемент пространства. Соотношение лингвистического и экстралингвистического в топониме делает его удобной единицей для наблюдения связей языка и сознания конкретного этноса, в том числе и особенностей структурирования пространственной картины мира. Развивая идею о взаимовлиянии пространства и положения вещей в нём, М. Хайдеггер приходит к мысли о влиянии «мест на пространство». Иными словами, пространство обусловлено и характеризуется «местами» и «вещами», их качествами и взаимодействием между собой и пространством. Таким образом, топоним (обозначение места) можно рассматривать как связующее звено между пространством и языком, фиксирующим эту связь тем или иным способом через название «мест» [9, с. 96-97].

Народные способы параметризации пространства удачно, на наш взгляд, репрезентированы в региональном топонимиконе. Так, например, в сознании жителя Владимирской области знания о пространстве в топонимиконе региона структурируются по следующим параметрам: 'локализация пространства', 'характеристика пространства'. В ходе анализа топонимикона Владимирской области (проанализировано более 800 топонимических единиц) была выстроена система семантических полей, в которых находит отражение категория пространства.

Семантическое поле 'Локализация в пространстве' дает представление о том, что для относительной пространственной модели, отраженной в топонимиконе, характерна незначимость абсолютного расстояния. Ментальные представления о пространстве даются на уровне репрезентации параметра **верх – низ** на основе семантики топонимов. Например: *Верхняя Занинка* (Судогодский р-н) – *Нижняя Занинка* (Судогодский р-н).

Часто в качестве ориентиров, структурирующих ландшафтное пространство, вы-

ступают реки: *Верхоунжа* (Меленковский р-н) – от названия реки *Унжа* и месторасположения.

Семантическое поле *верх – низ* включает также характеристики рельефа пространства по вертикали: *Высоково* (Селивановский р-н), *Высоково* (Судогодский р-н), *Горницы* (Селивановский р-н), *Горки* (Судогодский р-н), *Дмитриевы Горы* (Меленковский р-н).

Локализация в пространстве может быть выражена через номинацию, в основе которой положено **указание на отношение объекта номинации к другим объектам**.

В топонимиконе Владимирской области наиболее популярна номинативная модель **отгидронимического именования поселений**. Здесь пространственные отношения репрезентируются посредством фиксации места нахождения поселения на берегу реки, речки или ручья. При этом гидроним является мотивирующей основой для ойконима. Установкой является «привязка» к известному окружающему естественно-географическому объекту-ориентир с целью «вписаться» в ландшафт. Ср., напр.: *Вареж* (Муромский р-н) – от названия реки Варежка; *Вековка* (Гусь-Хрустальный р-н) – от названия реки Вековки; *Заколлье* (Гусь-Хрустальный р-н) – от названия реки Колпь; *Заречье* (Селивановский р-н); *Заястребье* (Судогодский р-н) – от названия реки Ястреб; *Золотково* (Гусь-Хрустальный р-н) – от названия речки Золотковки; *Ковардицы* (Муромский р-н) – от названия реки Коварды.

Такие топонимы на территории Владимирской области считаются наиболее древними. К более поздним наименованиям относятся топонимы, отражающие другие формы «привязки к ориентире» в пространстве. Один из принципов подобной номинации – отношение к объекту, бывшему на этом месте: *Валово* (Муромский р-н) – от названия места, на котором появилась деревня: *Валуева (Валова) пустошь* → *Валова деревня* → *Валово*.

Менее распространенным является другой принцип номинации – **по отношению к подобным объектам**. Ср.: р.п. *Великодворский* (Гусь-Хрустальный р-н) – по месторасположению недалеко от сельского поселения Великодворье; пос. ж-д станции *Высоково* (Селивановский р-н) – по месторасположению вблизи д. Высоково.

Особую группу представляют топонимы, в основе которых лежит «привязка» к объекту, находящемуся неподалёку, или объекту, имевшему определенное значение для

номинатора: *Загорье* (Судогодский р-н); *Залесье* (Гусь-Хрустальный р-н); *Зоболотье* (Гусь-Хрустальный р-н); бол. *Иванищевское* – от названия р.п. Иванищи (Гусь-Хрустальный р-н).

Дальнейшее освоение пространства выражается в стремлении языковой личности Владимирской области раздвинуть границы уже познанного, обозначить места на границе используемого и не используемого пока пространства. В то же время внутри познанного в целом ландшафта начинается «оживление» территории. На этом этапе появляются заимки, хозяйственные и культовые объекты. Отмечается детализация пространства путём обозначения особенностей объектов посредством их названия. Так появились названия с семантикой '*характеристика пространства*'. Характеристика пространства в топонимии может проводиться по двум основным направлениям: 1) характеристика пространства, в котором находится именуемый объект; 2) непосредственная характеристика самого объекта как элемента пространства.

Характеристика пространства, в котором находится именуемый объект, может проводиться по разным аспектам.

Особое значение для поселенцев Владимирского края приобретала **характеристика почвы**, поскольку основным видом деятельности было сельское хозяйство. Ср., напр.: *Каменец* (Судогодский р-н); оз. *Каменище*; *Каменка* (Меленковский р-н); р. *Каменка*; *Кисельница* (Судогодский р-н): кисельница пск. распутица, слякоть [2, т. 2, с. 110].

В связи с этой же отмеченной особенностью немаловажной является **характеристика растительности** пространства во Владимирском топонимиконе: *Безлесная* (Селивановский р-н); *Безлесный* (Муромский р-н); *Берёзовка* (Муромский р-н); оз. *Берёзовое*; оз. *Вязовое*; оз. *Глушица* (глушица – вид мяты); *Грибково* (Муромский р-н); *Дубровка* (Меленковский р-н); *Дубровка* (Гусь-Хрустальный р-н); *Дуброво* (Селивановский р-н); *Дубцы* (Меленковский р-н); *Ельня* (Меленковский р-н); *Зарослово* (Муромский р-н).

Характеристика заселенности пространства животными имеет значение с точки зрения возможности/невозможности промысла на них, а также пригодности и необходимости использования в связи с этой характеристикой пространства для жизни человека: *Бобры* (Гусь-Хрустальный р-н): «Когда-то в небольших речках водилось много бобров. Такие речки считались очень цен-

ными водными угодьями, и владение ими оговаривалось в грамотах. Назывались они бобровыми гонами. В Древней Руси были целые деревни, которые занимались отловом бобров» [8, с. 44]; *Вихирево* (Селивановский р-н) – от слова «вахирь» – лесной дикий голубь; *Ершово* (Селивановский р-н) – от названия рыбы; *Корастелиха* (Судогодский р-н), *Коростелево* (Судогодский р-н) – от «коростель» – луговая птица, дергач, дергун [2, т. 2, с. 169]; *Луньково* (Судогодский р-н) – от слова «лунь» (хищная птица семейства ястребиных с серовато-белым оперением у самца).

Непосредственная характеристика самого объекта как элемента пространства проводится по параметрам, имеющим наибольшее значение для жителя территории.

Значимой характеристикой становится указание на **размер объекта**. При этом образуются пары, в основу противопоставления которых положен признак «большой – малый»: *Большая Артёмовка – Малая Артёмовка* (Гусь-Хрустальный р-н); *Большая Козловка – Малая Козловка* (Судогодский р-н); *Большое Григорово – Малое Григорово* (Селивановский р-н); *Большое Юрьево – Малое Юрьево* (Муромский р-н); *Большой Приклон – Малый Приклон* (Меленковский р-н); *Большой Санчур – Малый Санчур* (Меленковский р-н).

При этом в топонимиконе могут функционировать единицы, не имеющие пары по данному признаку, но в основе которых лежит одна из названных особенностей. Ср., напр.: *Большая Сала* (Меленковский р-н), *Большое Кольцово* (Селивановский р-н), оз. *Большое Моцкое*, *Большое Угрюмово* (Селивановский р-н).

Наличие подобных топонимов исключительно с элементом «большой» может быть объяснено тем, что в основе номинации чаще всего оказываются признаки, имеющие наибольшее проявление. Кроме того, это подтверждает и предположение о гиперболизированности русского сознания, не раз обсуждаемого в специальной философской и этнографической литературе.

С описанием размера именуемого объекта связана **характеристика его формы**. При этом в основу кладется признак, необычный для общепринятой практики: *Клины* (Судогодский р-н); *Крюково* (Судогодский р-н); *Крюково* (Гусь-Хрустальный р-н).

Характер обжитости пространства находит отражение в топонимах, описывающих, так сказать, **развитость инфраструкту-**

ры именуемого объекта и его окрестностей: *Бараки* (Судогодский р-н) – от нарицательного слова «барак» – здание лёгкой постройки, предназначенное для временного жилья [7, с. 34]; *Будевичи* (Гусь-Хрустальный р-н) – в основе топонима – этимон *буд-*. «Буда, будка – строение, сторожка, шалаш, лесная избушка, хутор (слав.). Ср. укр. будинок – «дом», укр. и белорус., белорус. будавец – строить, чеш. bouda, польск. buda, болгар. будка – «шалаш, палатка» [6, с. 27]. В Белоруссии насчитывается до 140 названий населенных пунктов, производных от «буда». Все «буды», как правило, небольшие села, возникшие вдали от старинных путей и местечек, в редконаселенной, чаще всего лесистой местности; *Бутовка* (Гусь-Хрустальный р-н) – в основе корень «бут», указывающий на основательность, непоколебимость; существительное *бут* означает часть каменного здания, которая находится под землей, а *бутной* – коренастый, дебелий, матерый; *Вежки* (Судогодский р-н) – от кур. вежка, полевой шалаш, балаган, сторожка. [2, т. 1, с. 175]; *Вёшки* (Гусь-Хрустальный р-н) – от слова «веха (вёшки)», которые ставили на дороге в зимнее время года, чтобы определять путь; веха – шест в поле для указания пути, границ земельных участков [7, с. 76]; *Городищи* (Меленковский р-н); *Жары* (Селивановский р-н): «Жары – термин, обычный в славянской народной терминологии. По значению соответствует «гари». Топонимия с этимоном *гарь-*, *жар-* приурочена в основном к лесной зоне: ойконим восходит к существительному жар – «участок леса, выжженный под пашню, подсека» [6, с. 52]; название выжженного участка леса по смежности перешло на селение, возникшее поблизости, при этом процесс перехода имени нарицательного в топоним сопровождался плюрализацией; *Избищи* (Гусь-Хрустальный р-н); *Зименки* (Гусь-Хрустальный р-н), *Зимёнки* (Муромский р-н), *Зимницы* (Меленковский р-н).

Итак, посредством анализа Владимирского топонимикона (топонимы с пространственной семантикой составляют 44% от общего количества) можно сделать следующие выводы относительно реализации категории пространства. Специфика формирования регионального пространства заключается в установлении местонахождения именуемого объекта посредством определения локализации в пространстве, а также непосредственной характеристики пространства. Характеристика локализации в пространстве чаще дается относительно других объектов, что

отражает стремление человека обозначить своё положение в пространстве, соотнеся его с каким-либо значимым для него или для целого коллектива объектом. При этом наиболее значимой является соотнесение с водным объектом, характерное для русской культуры. Непосредственная характеристика пространства в топонимиконе связана со сложившимся взаимодействием двух хозяйственных культур в жизни местного населения – земледельческой и скотоводческой. Поэтому, наряду с характеристикой пространства по параметрам «размер объекта», «характеристика почвы», «характеристика растительности», есть топонимы, отражающие характеристику заселенности пространства животными.

Таким образом, исходя из анализа собранного языкового материала, можно сделать следующий вывод. Языковые единицы, относящиеся к региональному топонимикону как фрагменту языковой картины мира, иллюстрируют собой значительный разрыв между структурированием категории пространства в научной картине мира и репрезентацией знаний о пространстве в наивной картине мира. Безусловно, есть позиции, объединяющие реализации двух этих категорий в той и другой картине мира. Так, например, характеристика объекта по отнесенности его к другому объекту в топонимиконе соотносится с определением положения объекта в пространстве путем определения его координат по отношению к другим объектам в научной картине мира. При этом своеобразно реализуется в топонимиконе такой признак пространства, как его трёхмерность: в топонимиконе наиболее важным оказывается параметр «верх – низ».

Думается, что если исходить из постулата Е.С. Кубряковой о том, что целью лингвистического анализа становится сегодня «выявление и детальное описание структур знания, мнений и оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой» [4, с. 29], то исследование регионального топонимикона (в том числе и Владимирской области) и каждой отдельной языковой единицы может послужить достойной иллюстрацией описания ряда познавательных процессов, «узнавание» которых открывает новые перспективы в описании русскоязычной языковой личности. Чем глубже мы изучаем языковые единицы, тем тоньше и скрупулезнее будут исследованы познавательные процессы как в самом языке, так и за его пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.А. Когнитивные основания грамматики / В.А. Виноградов // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2008.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1978.
3. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.
4. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2006. – С. 26-31.
5. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2008.
6. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.
7. Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
8. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). – М., 1976.
9. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. – М., 1991.

УДК 81'366.54

Ступникова Л.Г.

**РОДИТЕЛЬНЫЙ И ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖИ ИМЕНИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО С ОКОНЧАНИЕМ -У КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
РАЗГОВОРНОГО И ПРОСТОРЕЧНОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО)***

Аннотация. Имена существительные в форме родительного и предложного падежа единственного числа мужского рода с окончанием *-у* часто выступают показателем разговорного и просторечного стилей, которые в тексте художественного произведения выполняют значимые функции. Многими грамматистами они выделяются в качестве особых падежей. Условия отнесения имён существительных в данных формах к разговорному или просторечному стилю, их семантика, функции и частотность употребления в поэтических текстах А. Т. Твардовского рассматриваются и анализируются в статье.

Ключевые слова: просторечие, разговорная речь, фразеологизм, имя существительное, падеж, флексия, семантика.

L. Stupnikova

GENITIVE AND PREPOSITIONAL CASE
NOUNS WITH THE ENDING *-U* AS AN INDICATOR
COLLOQUIAL AND VERNACULAR
(POETRY ON MATERIALS TVARDOVSKY)

Abstract. Nouns in the form of a genitive and prepositional case of a singular of a masculine gender with the ending *-u* often act as an indicator of colloquial and informal conversation styles which in the text of a work of art carry out significant functions. The scientists name them as special cases. Conditions of refer-

ence of nouns in the given forms to colloquial or informal conversation style, their semantics, functions and rate of the use in poetic texts by A. Tvardovsky are considered and analyzed in article.

Key words: colloquial, informal conversation, phraseological unit, noun, case, inflexion, semantics.

В поэтических текстах А.Т. Твардовского имена существительные в форме **родительного падежа** единственного числа мужского рода с флексией *-у* употребляются часто, так как автор стремится вводить в свои произведения разговорную речь для решения идейно-художественных задач: разговорные элементы выполняют функции приближения речи к устному рассказу; сближения речи автора с речью персонажей; социальную функцию; определяют жанр некоторых произведений.

Вопросу употребления окончаний *-а* и *-у* в родительном падеже ед. ч. м. р. имён существительных уделяют внимание многие грамматисты. Некоторые учёные наряду с родительным падежом выделяют родительный падеж с флексией *-у* как особый. В.А. Богородицкий называет его исходным [Богородицкий В.А., 2005, с. 166], А.М. Пешковский – количественным, [Пешковский А.М., 2007, с. 505], В.В. Виноградов – количественно-отделительным [Виноградов В.В., 2001, с. 151].

* © Ступникова Л.Г.